хотя не закраснеетесь, но рассердитесь. Разве я говорю неправду? Муж одной из вас таскается по всем скверным девкам; получив болезнь, пьет, ест и спит с тобою же; другая же сама изволит иметь годовых, месячных, недельных или, чего боже спаси, ежедневных любовников. Познакомясь сегодня и совершив свое желание, завтра его не знает; да и того иногда не знает, что уже она одним его поцелуем заразилася. А ты, голубушка моя, пятнадцатилетняя девушка, ты еще непорочна, может быть; но на лбу твоем я вижу, что кровь твоя вся отравлена. Блаженной памяти твой батюшка из докторских рук не выхаживал; а государыня матушка твоя, направляя тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебе женишка, заслуженного старика генерала, и спешит тебя выдать замуж для того только, чтобы не сделать с тобой визита воспитательному дому ‹намек на внебрачную беременность› (142).

Тема о развратных нравах столичных дворян, о «дурной болезни» в их среде — опять небывалая, невозможная для сентименталиста тема.

Возьму еще одну цитату из Радищева.

Выше говорилось о том барском жаргоне, каким переполнены речи карамзинской Лизы и ее матери.

Речь крестьян у Радищева строится иначе — близко к подлинной народной, мужицкой речи. Образцы ее даны уже в приведенных выше высказываниях Анюты и ее матери. Вот еще один пример. Ямщик откровенно говорит барину, автору, Радищеву:

— Видно, барин, — говорил он мне, улыбаясь и поправляя шляпу, — что ты на Анютку нашу призарился. Да уж и девка! Не одному тебе она нос утерла... Всем взяла... На нашем яму много смазливых, но перед ней все плюнь. Какая мастерица плясать! всех за пояс заткнет, хоть бы кого... А как пойдет в поле жать... загляденье (149).

5

Приведенных цитат достаточно, чтобы получить право сказать: Радищев и Карамзин — не союзники в созидании единого стиля, а враги, антагонисты. Один из них — глубокий реалист, другой — убежденный сентименталист. Таковы они по существу, хотя бы не читали ни одной строки друг у друга.

Но следует помнить хронологию их писаний. «Путешествие из Петербурга в Москву» напечатано в 1790 году, и с этого года Радищев надолго замолк. «Бедная Лиза» напечатана двумя годами позже, и с 1792 года Карамзин развил бурную литературную деятельность. Откликнуться на его творчество Радищев не мог. А Карамзин — откликнулся ли он на «Путешествие» Радищева?

Вне всякого сомнения, Карамзин знал знаменитую книгу Радищева — не мог ее не знать, если не в печатном тексте, то в одном из многочисленных списков.